

AB RE PUBLICA REMOVERE:
ОТСТРАНЕНИЕ М. ЦЕЛИЯ РУФА ОТ ДОЛЖНОСТНЫХ
ОБЯЗАННОСТЕЙ В 48 Г. ДО Н.Э. И ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ИНИЦИАТИВЫ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Р. М. Фролов

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия
frolovrm@yandex.ru

Аннотация. В статье делается попытка объяснить механизм отстранения от должностных обязанностей претора М. Целия Руфа в 48 г. до н.э. Анализируются ограничения, с которыми столкнулся претор. Аргументируется вывод о том, что Целий не только не был формально лишен должности как таковой, но и не потерял каких-либо отдельных прерогатив претора. Однако попытки Целия использовать их блокировались консулом П. Сервилием Исаврийским на основании *potestas maior* и с опорой на решение сената. На публично-правовом уровне политическая нейтрализация Целия достигалась через применение консулом обычной интерцессии. Но кроме этого, как показывает анализ конкретных обстоятельств 48 г. до н.э., претор потерял политическую инициативу. Целий имел право, но на практике уже не мог самостоятельно созывать *contiones*, руководить судопроизводством, собирать сенат и выступать в нем, предлагать законопроекты и т.д. Возникающее вследствие этого впечатление о том, что формально он более не являлся магистратом, неверно. Однако оправданной кажется оценка положения, в котором оказался Целий, как особого, в определенном смысле «переходного» между статусом должностного и статусом частного лица.

Ключевые слова: Древний Рим, Римская Республика, М. Целий Руф, политическая система, претура, отстранение от должностных обязанностей, политическая культура, политическая инициатива, *ab re publica remove*

Данные об авторе. Фролов Роман Михайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.

Работа выполнена при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ (грант Президента РФ № МК-2810.2015.6) и РГНФ (проект № 15-31-01205). Автор благодарит директора и сотрудников Фонда Хардта (Fondation Hardt pour l'étude de l'antiquité classique, Женева, Швейцария) за предоставленную возможность работать над данной статьей в библиотеке Фонда в сентябре-октябре 2015 г., а также выражает признательность участникам научного коллоквиума Центра антиковедения ЯрГУ им. П.Г. Демидова и особенно В.В. Дементьевой за предварительное обсуждение настоящей работы.

Все даты в статье – до н.э.

AB RE PUBLICA REMOVERE:
THE SUSPENSION OF M. CAELIUS RUFUS FROM MAGISTERIAL
FUNCTIONS IN 48 B.C. AND THE POLITICAL INITIATIVE
IN THE LATE ROMAN REPUBLIC

Roman M. Frolov

P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

frolovrm@yandex.ru

Acknowledgements: Russian Foundation for Humanities No. 15-31-01205; Russian Presidential Grants Council No. MK-2810.2015.6; Fondation Hardt (Geneva, Switzerland)

Abstract. The author attempts to determine the procedure of M. Caelius Rufus' suspension from magisterial functions in 48 BC. The author considers the limitations the praetor encountered. It is argued that not only was Caelius formally not deprived of his office, but he did not even lose any of his praetorian prerogatives. However, Caelius' attempts to make use of his powers were blocked by the consul P. Servilius Isauricus who relied on *potestas maior* and a senatorial decision. Formally, the neutralization of the praetor was achieved through the regular intercession. Yet, an analysis of the specific circumstances of 48 B.C. suggests that Caelius also lost what may be termed 'political initiative'. He had the authority, but in practice he was not able to convene *contiones* on his own initiative, administer justice, summon the senate and speak there, propose bills, etc. The resulting impression that Caelius was not a magistrate anymore is misleading. However, it seems reasonable to consider the praetor Caelius' new position somewhat 'intermediate' between that of a public official and of a private individual.

Keywords: Ancient Rome, Roman Republic, M. Caelius Rufus, political system, praetorship, suspension from magisterial functions, political culture, political initiative, *ab re publica remove*

В политической практике Рима эпохи Поздней республики была возможной утрата должностными лицами своего положения до истечения срока полномочий. В исследовательской литературе нет единого мнения по вопросу о том, в каких ситуациях были законны и в каких условиях могли находить применение те или иные процедуры досрочного сложения должности магистратами¹. Однако даже на этом фоне спорными выглядят эпизоды, которые некоторые исследователи полагали примерами только временного отстранения от исполнения должностных обязанностей, а не потери магистратского статуса как такового.

События 48 г., вызванные открытым выступлением претора М. Целия Руфа против реализации распоряжений Цезаря, касавшихся долгового вопроса, хорошо изучены в исследовательской литературе с точки зрения реконструкции перипетий политической борьбы и анализа содержания законодательных инициатив, предлагавшихся сторонами². Однако остается недооцененным значение данного эпизода для исследования особенностей правового положения и характера политической деятельности тех лиц, которые были так или иначе отстранены от исполнения должностных обязанностей. Хотя в 48 г. республиканские процедуры нарушались чуть ли не чаще, чем выполнялись, тому, что произошло с Целием, прецеденты были.

¹ См., например, Bauman 1968; Kloft 1977/1978; 1980; Kunkel, Wittmann 1995, 223–224, 252–259; Feig Vishnia 1996, 82–85.

² См. особенно Cordier 1994.

Претор перегринов Целий пытался не позволить своему коллеге городскому претору Г. Требонию реализовывать меры, предусмотренные Цезарем, в очередной раз покинувшим Рим. Затем уже сам Целий столкнулся с противодействием консула П. Сервилия Исаврийского (оставленного во главе Города), когда попытался предложить законодательные проекты, направленные на решение долговой проблемы иным способом, чем это было предусмотрено Цезарем³. Как в источниках описывается последовавшее после этого отстранение Целия от должностных обязанностей?

По сообщению самого Цезаря, «когда было совершено нападение толпы на Требония (не обошлось без пострадавших), [Целий] прогнал его с трибунала. По этому поводу консул Сервилий обратился в сенат, и сенат постановил отстранить Целия от государственных дел. В соответствии с данным решением консул не допустил Целия на заседание сената, а когда тот попытался выступить на сходке, удалил его с ростр. Целий, движимый гневом из-за такого позора, сделал вид будто отправляется к Цезарю, но в действительности тайно написал Милону»⁴. В периодах Ливия отмечается, что «когда претор М. Целий Руф возбудил в Риме беспорядки, подав плебсу надежду на отмену долгов, он был лишен магистратуры и изгнан из Города»⁵. По Веллею Патеркулу, «М. Целий... во время претуры выступил в качестве инициатора отмены долгов, и ни сенат, ни авторитет консулов его не удержали. Призвав еще Анния Милона... он в Городе вызвал мятеж, а в сельской местности — открытую войну; вначале он был отстранен от государственных дел, а позднее по предложению сената разгромлен консульской армией около Фурий»⁶. Указание на эти события обнаруживается также у Иеронима (Chron. Ad ann. 48. P. 156 Helm) и Орозия (VI. 15. 10), но, к сожалению, без характеристики самого акта отстранения претора (также см. Quint. Inst. VI. 3. 25).

Наиболее подробное изложение интересующих нас деталей сохранилось у Диона Кассия. Последний сообщает о том, что Целий «во всем противодействовал своему коллеге и не позволял, чтобы тот делал что-либо из того, что входило в его обязанности»⁷. «Заполучив таким образом большое число сторонников, он с ними напал на Требония и убил бы его, если бы тот не переменял одежду и не ускользнул от них в толпе»⁸. Под защитой солдат Сервилий созвал сенат и предложил принять решение относительно сложившейся ситуации. Трибуны выступили про-

³ Подробнее см. Broughton 1952, 273; Cordier 1994; Pókecz Kovács 2014a; 2014b.

⁴ BC. III. 21. 2–4: ...impetuque multitudinis in C. Trebonium facto et nonnullis vulneratis eum de tribunali deturbavit. De quibus rebus Servilius consul ad senatum rettulit, senatusque Caelium ab re publica removendum censuit. Hoc decreto eum consul senatu prohibuit et contionari conantem de rostris deduxit. Ille ignominia et dolore permotus palam se proficisci ad Caesarem simulavit; clam nuntiis ad Milonem missis...

⁵ Per. 111: M. Caelius Rufus praetor, cum seditiones in urbe concitaret novarum tabularum spe plebe sollicitata, abrogato magistratu pulsus urbe...

⁶ II. 68. 1–2: M. Caelius ... in praetura novarum tabularum auctor extitit nequiritque senatus et consulis auctoritate deterreret; accito etiam Milone Annio, ...in urbe seditionem, in agris haud occulte bellicum tumultum movens, primo summotus a re publica, mox consularibus armis auctore senatu circa Thurios oppressus est.

⁷ Dio Cass. XLII. 22.3: ...ἡναντιοῦτο πρὸς πάντα τῷ συνάρχοντι καὶ οὔτ' ἄλλο τι τῶν ἐπιβαλλόντων οἱ ποιεῖσθαι ἐπέτρεπεν...

⁸ Dio Cass. XLII. 22.4: προσθέμενος δὲ ἐκ τούτου συχνοὺς ἐπῆλθε μετ' αὐτῶν τῷ Τρεβωνίῳ, καὶ ἀπέκτεινεν αὐτὸν εἰ μὴ τὴν τε ἐσθῆτα ἠλλάξατο καὶ διέφυγέ σφας ἐν τῷ ὄχλῳ.

тив, но была все же записана *senatus auctoritas*⁹, после чего консул приказал ликторам убрать таблицы (законопроект Целия). Однако Целий отогнал их, причем и сам консул оказался вовлечен в столкновения. Тогда снова под охраной солдат он созвал сенат, и на этот раз был принят *senatus consultum ultimum* (далее – SCU), т. е. на консула возлагалась обязанность позаботиться о безопасности государства¹⁰. Дион Кассий так описывает меры, принятые против Целия: «После этого [Сервилий] уже ничего не давал Целию сделать в качестве претора и все, что относилось к сфере его должностных обязанностей, поручил одному из его коллег, запретил Целию доступ на заседания сената, прогнал его с ростр, когда он к чему-то громко призывал, и сломал его курульное кресло» (XLII. 23. 3).

Прежде всего, возникает вопрос о том, потерял ли Целий магистратуру претора или результат мер, направленных против него, был иным? В исследовательской литературе (в общих работах или в трудах, посвященных Цезарю) об интересующем нас эпизоде говорится обычно немного. Иногда отмечаются привлечение консулом солдат и принятие сенатского решения, – действия, которые в конечном итоге привели к тому, что Целий был вынужден покинуть Город¹¹. В основном же приводят самое общее указание на то, что Целий был отстранен от должностных обязанностей претора¹². Так, согласно М. Гельцеру, консул Сервилий, опираясь на решение сената, заставил претора отказаться от исполнения должности, приостановить исполнение обязанностей претора¹³. Кроме того, очень часто возникает впечатление, что антиковеды усматривают в эпизоде с Целием пример потери статуса магистрата, а не временной приостановки исполнения магистратских полномочий¹⁴. Наконец, многие исследователи¹⁵ не ограничиваются только констатацией отстранения Целия от должностных обязанностей, но останавливаются также на характеристике формы и содержания этого акта. К их аргументации мы еще вернемся.

Анализ выражений, при помощи которых античные авторы обозначают в целом результат отстранения Целия, проведен нами в отдельной работе¹⁶. По нашему мнению, сама по себе терминология источников не позволяет дать однозначный ответ на вопрос о том, был ли Целий лишен должности, и допускает все возможности.

Но если это так, то нет оснований не доверять прямому утверждению Диона о том, что Целий продолжал оставаться претором даже после того, что мы называем «отстранение от должностных обязанностей». Во-первых, греческий автор говорит о том, что Целий не решался бежать из Рима «в том числе и потому, что

⁹ Dio Cass. XLII. 23. 1: συγγραφέντος δὲ τοῦ δόξαντος; Cordier 1994, 556; также см. Mason 1974, 14, 39, 177.

¹⁰ Dio Cass. XLII. 23. 2: τὴν φυλακὴν τῆς πόλεως τῷ Σερουιλίῳ... παρέδοσαν. О принятии SCU см. Cordier 1994, 556–557; Kunkel, Wittmann 1995, 235, Anm. 468; Pókecz Kovács 2014a, 735; 2014b, 139, 141.

¹¹ Goldsworthy 2006, 449; Davies, Swain 2010, 193.

¹² Canfora 2007, 185; Steel 2013, 202; Osgood 2014, 29.

¹³ Gelzer 1960, 209; cp. Gelzer 1968, 227.

¹⁴ Peskett 1900, 90; Scullard 1982, 140; Sandberg 2001, 62; Bunse 2002, 36; Williamson 2005, 413, nt. 135; Billows 2009, 224.

¹⁵ Mommsen 1887a, 262, 627; 1888, 1244, Anm. 2; Greenidge 1901b, 287–288; Bauman 1966, 131, nt. 17; Kloft 1977/1978, 170–171; Schäfer 1989, 65–66; Cordier 1994, 554–559; Kunkel, Wittmann 1995, 235, Anm. 468; Pókecz Kovács 2014a, 733–736; 2014b, 138–141.

¹⁶ См. Frolov 2016, 101–109.

рассчитывал сделать гораздо больше, воспользовавшись достоинством и именем претуры»¹⁷, которую, он, следовательно, еще сохранял. Во-вторых, когда уже после отстранения Целия Сервий узнал о действиях Милона, он приказал Целию оставаться в окрестностях Рима, чтобы он не вызвал никаких волнений. Но Сервий, по словам Диона, «не принял строгих мер предосторожности, потому что [Целий] был претором»¹⁸.

Таким образом, на вопрос о том, прекратились или нет магистратские полномочия Целия, следует ответить отрицательно. Важно, что те исследователи, которые специально останавливались на данном вопросе, в целом склоняются к тому же выводу: по их мнению речь шла только об отстранении от исполнения должностных обязанностей, а не, например, об абrogации¹⁹.

Однако далее возникает другая проблема: что именно означало «отстранение» Целия? Подразумевало ли оно формальное ограничение или прекращение отдельных магистратских прерогатив или только блокирование их применения на практике?

Кроме возможности единовременного запрета (в результате интерцессии) со стороны вышестоящего магистрата на совершение нижестоящим тех или иных действий, Т. Моммзен допускает, что мог иметь место и общий запрет на исполнение любых функций магистрата. Именно к такого рода ситуациям исследователь относит случай 48 г. По поводу него Моммзен пишет: «Право выступать в сенате и перед народом было привязано к обладанию магистратурой, поэтому теряло силу при отстранении от нее»²⁰. П. Кордые, констатируя сохранение Целием магистратуры, вслед за Моммзеном отмечает, что по решению магистрата, обладавшего *potestas maior*, претор был временно лишен прерогатив, связанных с исполнением должности: права обращаться к сенату и к народу. Кроме того, на время отстранения юрисдикция Целия передавалась другому претору. Кордые добавляет, что для того, чтобы Целий не смог узурпировать те права, которых был лишен, консул сломал его курульное кресло. *Sella curulis*, как и *fascēs*, олицетворяла судебную власть претора. Их уничтожение или лишение возможности их использовать означало потерю «эффективности соответствующей власти, если не потерю ее самой»²¹. Любое действие Целий мог теперь осуществить только как частное лицо, без возможности использовать престиж и публичность, связанные со статусом претора. Подобное действие поэтому могло быть подавлено немедленно и беспощадно, заключает Кордые²².

Но есть ли основания для того, чтобы делать вывод о формальной утрате Целием некоторых магистратских прерогатив как таковых? Для ответа на вопрос о том, каков был механизм нейтрализации Целия, необходимо рассмотреть конкретные ограничения, с которыми он столкнулся.

¹⁷ Dio Cass. XLII. 24. 3: ...διὰ τε τὰλλα καὶ ὅτι πολλῶ πλείω ἐν τε τῷ σχήματι καὶ ἐν τῷ ὀνόματι τῷ τῆς στρατηγίας ὢν καταπράξειν ἤλπιζε...

¹⁸ Dio Cass. XLII. 25. 2: ...οὐ μέντοι διὰ φυλακῆς ἀκριβοῦς ἄτε καὶ στρατηγοῦντα ἐποιήσατο.

¹⁹ Mommsen 1888, 1244, Anm. 2; Greenidge 1901b, 287–288; Kloft 1977/1978, 170–171; Cordier 1994, 558; Kunkel, Wittmann 1995, 235, Anm. 468; Pókecz Kovács 2014a, 735; 2014b, 139. Р. Бауман допускает и возможность абдикации: Bauman 1966, 131, nt. 17. Также ср. Broughton 1952, 273.

²⁰ Mommsen 1887, 261–262 (цитата – 262, Anm. 4).

²¹ Cordier 1994, 558, 574. См. также Greenidge 1901a, 174–175.

²² Cordier 1994, 559. Вслед за П. Кордые о том же пишет А. Покец Ковач (Pókecz Kovács 2014a 735; 2014b, 139–141).

Прежде всего следует упомянуть SCU, направленный против Целия. SCU действительно обеспечивал дополнительную легитимацию дальнейших действий консула, но только тех, которые он и так, по всей видимости, формально имел право предпринять на основании своих обычных полномочий²³. SCU, как пишет Кордье применительно именно к случаю Целия, не был эквивалентом *Hostiserklärung* (объявления врагом государства) и не было направлено против кого-то конкретно²⁴. Это постановление не предоставляло каких-либо дополнительных возможностей по применению мер, выходявших за рамки закона, хотя расплывчатость формулировок SCU на практике легитимировала поиск экстралегальных средств²⁵.

Так или иначе, никакого формального «поражения в правах» Целия на основании самого SCU произойти не могло. Во всяком случае, если мятежный магистрат не решался на продолжение вооруженного сопротивления, как не решился на это Целий²⁶. Для сравнения, в следующем, 47 г., начальник конницы М. Антоний после принятия SCU все же применил военную силу в пределах самого Рима. Но это стало следствием того, что плебейские трибуны Л. Требеллий и П. Корнелий Долабелла, столкновения между которыми привели к принятию этого решения, не отказались, как претор 48 г., от дальнейшей борьбы. По выражению Диона, они действовали так, «как если бы тоже получили от сената некое командование»²⁷.

Одно из отмеченных в источниках конкретных ограничений, с которыми столкнулся Целий, было связано с его участием в работе сената. Иногда фразу Цезаря *senatu prohibuit* и выражение Диона τοῦ τε συνεδρίου εἴρξε интерпретируют как указания на исключение Целия из числа сенаторов²⁸. Однако никаких оснований для этого нет. Более того, оба античных автора пишут о том, что данную меру осуществил сам Сервий, но вряд ли можно допустить, что консул, пусть даже на основании SCU, мог своей властью исключить кого-либо из состава сената²⁹. По сообщению Аскония, в 104 г. был принят закон, по которому из сената должны

²³ Так, по мнению Г. Голдена (Golden 2013, 148–149), SCU не предоставлял магистрату ничего сверх того, что он уже имел, однако мог послужить в качестве официального признания наличия чрезвычайной ситуации, стать сигналом к тому, чтобы консул официально объявил *tumultus* в городе Рима и, тем самым, смог осуществить воинский набор для устранения опасности в пределах померия. Также см. Lintott 1968, 152–153.

²⁴ Cordier 1994, 557. Также см. Lintott 1968, 152–153; Ungern-Sternberg 1970. Сам по себе SCU в 48 г. содержал, как можно заключить из слов Диона Кассия (XLII. 23. 3), только стандартную формулировку о том, что консулу следует позаботиться о безопасности государства (τὴν φυλακὴν τῆς πόλεως τῷ Σερουλίῳ... παρέδοσαν). Слова Цезаря (BC. III. 21. 3: hoc decreto) можно интерпретировать в том смысле, что SCU только подготовил последующее принятие консулом тех мер, которые собственно и привели к нейтрализации Целия.

²⁵ Cordier 1994, 557. Также см. Ungern-Sternberg 1970.

²⁶ См. также Ungern-Sternberg 1970, 112.

²⁷ Dio Cass. XLII. 29. 4. Также см. Lintott 1968, 152; Golden 2013, 146–148.

²⁸ См., например, русский перевод М.М. Покровского («исключил Целия из сената») и английский перевод в Loeb Classical Library (excluded him from the senate; ср. перевод соответствующего пассажа Диона в этой же серии: debarred him from the senate).

²⁹ Иная ситуация наблюдалась в 44 г., когда формально лишившиеся должности плебейские трибуны могли быть исключены из состава сената по решению Цезаря, наделенного цензорской властью (Vell. Pat. II. 68. 5; ср. Cic. Phil. XIII. 31; Per. 116; Nic. Dam. FGrHist 90 F130, 69, 76; Suet. Iul. 79; App. BC. II. 122; Dio Cass. XLIV. 10. 3). Но даже здесь есть сомнения относительно легальности такого акта, если он вообще имел место (см. Kloft 1980, 325).

быть исключены те, кого народ осудил или чей империй он аброгировал³⁰. Однако никакого народного голосования — в этом источники не дают оснований сомневаться — по поводу власти Целия не было проведено³¹.

Кордье пишет о том, что Целий потерял *ius agendi cum senatu* (т.е. право созывать сенат и председательствовать в нем)³². Но и такая интерпретация не находит подтверждений. Во-первых, неясно, почему Цезарь, например, не упоминает собственно запрет собирать сенат (если, конечно, не считать, что Целий был вообще исключен из числа сенаторов, что подразумевало бы и невозможность их созывать). Во-вторых, источники, как кажется, не подтверждают то, что консул не просто имел возможность воспрепятствовать конкретной попытке реализации данного права, но и мог на весь оставшийся срок полномочий одним актом лишить младшего по положению магистрата как такового принадлежавшего ему права созывать сенат. В-третьих, как известно, консул, если он (как Сервилий в нашем случае) находился на месте, вполне мог бы добиться того эффекта, который описан Цезарем и Дионом, путем единовременного акта интерцессии, всякий раз запрещающая претору обращаться к сенату³³.

Итак, терминология источников допускает, что был ограничен доступ претора на заседание сената³⁴ в результате единовременного личного вмешательства вышестоящего магистрата — консула. В схожей ситуации 62 г. (см. о ней ниже) плебейский трибун Метелл Непот, если верить Диону (XXXVII. 43. 4), из состава сената исключен не был, но тем не менее после принятия SCU сам его покинул. Предположение, что между Целием и заседаниями сената стоял только единовременный запрет со стороны консула, предпочтительно еще и по той причине, что данная мера была реализована в связке с той, которую вряд ли возможно понять иначе, чем как единовременный акт.

И Цезарь, и Дион пишут о том, что консул Сервилий удалил Целия с ростр, когда тот попытался выступить в *contio*. По мнению Кордье и А. Покеца Ковача, это означает лишение *ius agendi cum populo*³⁵. Однако Целий произносил в какой-то определенный момент времени конкретную речь, когда его удалили (*contionari conantem de rostris deduxit*; ἀπὸ τοῦ βήματος καταβῶντά τι κατέσπασε). Было бы слишком смелым допущение, что, прогнав (очевидно, единожды) Целия с ораторского возвышения, консул, тем самым, лишил его права подниматься на это возвышение и в дальнейшем. Кроме того, источники вообще не говорят о *ius agendi cum populo*. В них речь идет о *contio*, а не о том, что Целию ограничили доступ в комиции³⁶. Созыв сходки и руководство ею магистратами регулировались набором определенных правил. Удаление претора консулом со сходки было вполне возможным без лишения *potestas contionandi*, учитывая то, что консул в любой момент мог перехватить руководство уже созванной сходкой у претора, используя *potestas*

³⁰ Asc. 78C: ...ut quem populus damnasset cuive imperium abrogasset in senatu ne esset. Ср. Cic. *Dom.* 82–83.

³¹ Также см. Kloft 1980, 326, Anm. 53.

³² Cordier 1994, 558, 574. Вслед за Кордье *ius agendi cum senatu* упоминает Покец Ковач (Pókecz Kovács 2014a, 735; 2014b, 139), но он же пишет об удалении Целия из числа сенаторов (Pókecz Kovács 2014a, 734; 2014b, 141). Все же это разные вещи, и не вполне ясно, что имеет в виду Покец Ковач.

³³ См., например, Mommsen 1887b, 129–130.

³⁴ Ср. Osgood 2014, 29 (attendance at the Senate).

³⁵ Ср. Cordier 1994, 558; Pókecz Kovács 2014a, 735; 2014b, 140.

³⁶ См. Gell. *NA.* XIII. 16. 2–3.

contionem avocandi³⁷. В этом случае консул становился бы председателем и мог бы распорядиться удалить Целия с ростр точно так же, как председательствовавшие магистраты удаляли с трибуны тех, кому в своей contio они не желали предоставлять слово (ср., например, App. BC. IV. 34). Логично поэтому, что ни о каком лишении именно права на созыв сходки в источниках речи не идет, а сообщается только о том, что Целия однажды прогнали с ростр.

Еще одной мерой, направленной против Целия, стало уничтожение его курульного кресла. По мнению Х. Клофта, именно это действие подчеркивает неотменяемость акта отстранения от должности, а по мысли Кордье (уже приводившейся выше), оно было предпринято для того, чтобы претор не смог узурпировать те права, которых был лишен³⁸. А. Покец Ковач вслед за Кордье пишет о том, что разрушение sella curulis означало потерю iurisdictio. Целий был лишен власти магистрата («его магистратские полномочия стали пустыми»), и права, связанные с его должностью, были переданы другому претору³⁹.

В своих оценках Кордье и Покец Ковач исходят из результатов исследований Шефера. По его мнению, чтобы выполнять свои функции, магистрат должен обязательно восседать на курульном кресле. Потеря курульного кресла была особенно нежелательной еще и потому, что, как правило, одновременно с этим теряла свою силу власть магистрата⁴⁰. По всей видимости, исследователь имеет в виду если не утрату самой магистратуры, то, по меньшей мере, формальное ограничение отдельных прерогатив магистрата (ср. ниже).

Шефер приводит далее четыре примера, и, как он сам признает, только в двух из них речь идет об утрате положения магистрата. Но если это так, то уже вряд ли можно констатировать существование какого-либо «правила». Один из эпизодов – случай Целия. Другой пример относится к 115 г.⁴¹ Претор П. Деций остался сидеть, когда консул М. Эмилий Скавр проходил мимо него. Тогда консул приказал претору встать, порвал его одежду и сломал его курульное кресло, а также издал эдикт о том, чтобы к претору никто не обращался за правосудием⁴². Но если бы Деций был лишен должности или хотя бы отдельных прерогатив претора уже в тот момент, когда или вследствие того, что было уничтожено его курульное кресло, то такой эдикт (обращенный, что важно, не к Децию, а к остальным гражданам: ne quis ad eum...) не понадобился бы. По замечанию В. Кункеля, упоминание данного эдикта показывает, что собственной властью консул даже не мог запретить претору непосредственно исполнение его служебных обязанностей⁴³.

По поводу двух оставшихся случаев Шефер и сам признаёт, что в них речь не шла о потере должности⁴⁴. Исследователь не предлагает никакого фундаментального объяснения, почему, по его мнению, в одних ситуациях уничтожение курульного кресла приводило к утрате магистратуры, а в других то же самое действие не

³⁷ Gell. NA. XIII. 16. 1. Подробнее см. Frolov 2011, 40–56.

³⁸ Kloft 1977/1978; Cordier 1994, 558.

³⁹ Pókecz Kovács 2014a, 735; 2014b, 140.

⁴⁰ Schäfer 1989, 63–64.

⁴¹ Schäfer 1989, 65.

⁴² [Ps.-Aurel. Vict.] *De vir. ill.* 72. 6: P. Decium praetorem transeunte ipso sedentem iussit assurgere eique vestem scidit, sellam concidit; ne quis ad eum in ius iret edixit.

⁴³ Kunkel, Wittmann 1995, 224, Anm. 429.

⁴⁴ Schäfer 1989, 66. См. [Ps.-Aurel. Vict.] *De vir. ill.* 73. 2 (100 г.); Dio Cass. XXXVI. 41. 2. Шефер относит последний эпизод однозначно к 78 г., хотя это, по меньшей мере, не очевидно (см. ниже).

имело такого эффекта. Шефер лишь констатирует, что если курульное кресло ломали плебейские трибуны, то преторы не теряли автоматически свою должность, поскольку трибуны могли блокировать конкретные мероприятия или вмешиваться в их проведение, но не осуществлять «законное лишение должности». Напротив, консулы одновременно с уничтожением курульных кресел запрещали преторам также и дальнейшее исполнение должностных обязанностей⁴⁵. По всей видимости, Шефер имеет в виду то, что консулы делали это собственной властью. В то время как из его замечаний по поводу столкновения трибунов и преторов понятно теперь, что под «исполнением должностных обязанностей» (*Amtsführung*) он имеет в виду даже не утрату отдельных прерогатив, а потерю самой магистратуры. Но почему берется за аксиому то, что «законное лишение должности» (либо даже лишение отдельных магистратских прав как таковых) могли своим решением осуществить хотя бы консулы? Это еще требуется показать.

Более того, в одном из тех двух эпизодов, которые по признанию Шефера показывают, что разрушение курульного кресла плебейским трибуном не приводило к утрате магистратуры, в действительности речь могла идти не о трибуне, а о консуле. Имеется в виду эпизод с Л. Лукуллом, чье кресло, по сообщению Диона (XXXVI. 41. 2), сломал некий Ацилий, магистратура которого не названа. Лукулл продолжил выполнять свои обязанности стоя, т.е. сохранил должность и все прерогативы претора. Шефер однозначно относит этот случай к 78 г., когда претором был Л. Лициний Лукулл (консул 74 г.), а Ацилий (консул 67 г. Маний Ацилий Глабрион) при такой трактовке действует в данном эпизоде как трибун (трибуна́т Ацилия нигде более не упоминается). Однако Дион сообщает о конфликте Лукулла и Ацилия в рассказе о событиях 67 г., когда Ацилий был консулом. Ряд исследователей полагали поэтому, что «Л. Лукулл» следует исправить на «Л. Лукцей»⁴⁶. Если это так, то претор Лукулл/Лукцей сохранил должность после того, как его курульное кресло сломал не трибун, а консул. Причем Ацилий сломал *sella curulis* по той причине, что Лукулл/Лукцей не поднялся при приближении Ацилия, в котором еще и по этой причине предпочтительней видеть именно консула, а не плебейского трибуна. (Тогда эта ситуация становится идентичной случаю 115 г.) В независимости от того, какую версию считать более убедительной, неопределенность в указанном вопросе ставит под сомнение выводы Шефера⁴⁷.

Наконец, можно заметить, что по своему содержанию действия и консулов, и трибунов были идентичными: показательное уничтожение символа власти — курульного кресла — другого должностного лица. По Шеферу выходит, что эффект данного акта всецело зависел от того, кто его совершает, а не от политико-правового смысла самого акта. Не исключено, что это могло быть так, но, по меньшей мере, здесь нужны дополнительные разъяснения.

Даже если бы мы сомневались в том, сохранил или утратил Целий магистратуру, в трех других приведенных Шефером случаях нельзя говорить о том, что одновременно с потерей курульного кресла магистраты лишались самой должности, олицетворяемой этим символом⁴⁸. Более того, эти же эпизоды показывают, что не происходило никакого даже «частичного поражения в правах» магистратов, ока-

⁴⁵ Schäfer 1989, 66.

⁴⁶ См., например, Broughton 1952, 143; Brennan 2000, 455.

⁴⁷ Автор благодарит членов редколлегии журнала, обративших его внимание на этот момент.

⁴⁸ По существу, той же позиции придерживался В. Кункель (Kunkel, Wittmann 1995, 224, Anm. 429).

завшихся в такой ситуации. Следовательно, нет оснований для того, чтобы и в случае Целия рассматривать сообщение о разрушении его курульного кресла в качестве свидетельства каких-то формальных ограничений его отдельных прерогатив.

Предложенная нами интерпретация подтверждается еще тем, что Целий, как сообщает Квинтилиан (Inst. VI. 3. 25), после того как консул сломал его курульное кресло, поставил другое, обтянутое ремнями (это был намек: «говорят, что консула когда-то бил ремнем отец»). Даже сам Шефер признает, что это сообщение Квинтилиана допускает две трактовки: либо Целий не осмелился использовать «настоящее» кресло, либо он «оформил» его особым образом только потому, что таков был временный выход из положения. Нельзя, однако, согласиться с исследователем в том, что Квинтилиан всю эту ситуацию изображает как необычную⁴⁹. Возможно, необычным для него был вид кресла и, очевидно, курьезом ему показался намек Целия на некоторые обстоятельства прошлого Сервилия, но Квинтилиан не выражает никакого удивления по поводу как такового факта «самовольного» восстановления претором курульного кресла после его разрушения консулом.

Более обоснованным кажется другое замечание Шефера. Исследователь допускает, что Целий, поставив новое курульное кресло, не подчинился консулу или попытался обойти возникшие ограничения. Шефер склоняется к тому, что необычным видом кресла Целий желал не скрыть, а, наоборот, скорее публично выразить протест, подобный тому, который, по рассказу Диона Кассия (XXXVI. 41), выразил в 67 г. претор Лукулл⁵⁰. После уничтожения своего кресла Лукулл (или Лукцей, если исправлять имя этого претора в тексте Диона) демонстративно продолжил выполнять обязанности претора стоя (к этому демаршу присоединились его коллеги по должности). Но если это так, то тем более нет оснований считать, что, в отличие от ситуации с Лукуллом/Лукцеем, прерогативы Целия были каким-то образом ограничены из-за потери курульного кресла (либо что последнее символизировало утрату полномочий)⁵¹.

Моммзен в качестве одного из признаков того, что в эпизоде с Целием речь не могла идти об аброгации, отмечает то, что его должность не была занята другим человеком⁵². В то же время, согласно Диону Кассию (XLII. 23. 3), Сервилий «все, что относилось к сфере его (Целия.— *Р.Ф.*) должностных обязанностей, поручил одному из других преторов» (ἀλλὰ τὰ τε προσήκοντα τῇ ἀρχῇ αὐτοῦ ἄλλω τῷ τῶν στρατηγῶν προσέταξε). По мнению Кордые, эта фраза означала, что на время отстранения юрисдикция Целия передавалась другому претору⁵³. Логика изложения Кордые заставляет понять его в том духе, что Целий был лишен определенных прав. На наш взгляд, речь шла не о лишении прав, а о передаче обязанностей при сохранении прав.

Проблема прежде всего в том, как именно в данном случае понимать термин ἀρχή, а точнее, выражение «все то, что относилось к ἀρχή». Как показал Х. Мэйсон, слово ἀρχή нередко используется Дионом как эквивалент provincia, причем тогда, когда имеется в виду провинция не в территориальном смысле, а в значении «назначенная сфера деятельности»⁵⁴. Как кажется, именно это подразумевает Дион

⁴⁹ Schäfer 1989, 66. См. также Greenidge 1901b, 135.

⁵⁰ Schäfer 1989, 66.

⁵¹ Ср. с другим случаем: Liv. XXII. 11. 5; Plut. *Fab.* 4.3; Cic. *Planc.* 98; Val. Max. II. 7. 7; App. *Mith.* 52; Kunkel, Wittmann 1995, 224, Anm. 429; Hölkeskamp 2011, 171.

⁵² Mommsen 1888, 1244, Anm. 2.

⁵³ Cordier 1994, 558.

⁵⁴ Mason 1974, 110.

и в нашем случае: передача другому претору не каких-либо прав Целия, а обязанности заниматься теми делами, которые были закреплены за претором peregrinorum. Не было смысла в передаче прерогатив, поскольку каждый из преторов и без того имел все необходимые полномочия для того, чтобы взять на себя, в случае необходимости, выполнение задач, возложенных на коллегу⁵⁵. Вопрос заключался в том, какие именно обстоятельства считались бы достаточной причиной для этого. Так, согласно Ливию, в 213 г. iurisdictio претора peregrinorum М. Эмилия была передана городскому претору М. Атилию потому, что Эмилий должен был возглавить два легиона и вести военные действия (XXIV. 44. 2). В нашем случае сам Целий попытался вмешаться в сферу компетенции своего коллеги Требония – вероятно, на том основании, что функции городского претора были переданы последнему не по итогам sortitio, а якобы по решению Цезаря⁵⁶. В свою очередь, достаточным обоснованием передачи по решению консула дел, возложенных на Целия, в ведение другого претора, по всей видимости, стали решение сената и сами действия этого претора, приведшие к кризису.

На наш взгляд, решающим аргументом в пользу предложенной выше интерпретации является уже упоминавшийся выше эпизод 115 г. Этот случай проливает свет на то, какими именно могли быть последствия применения консулом potestas maior в отношении претора. Как уже отмечалось, нельзя согласиться с Шефером в том, что в этой ситуации претора Деция лишили должности. Более того, случай 115 г. ясно показывает, что сама по себе утрата претором знаков власти в результате действий консула (то же самое, ни больше, ни меньше, произошло с Целием) не обозначала потерю или ограничение магистратских прерогатив как таковых, а потому не исключала того, что в дальнейшем претор попытается, причем на абсолютно законных основаниях, продолжить рассмотрение судебных дел. Если бы это было не так, то совершенно бессмысленным оказался бы эдикт консула, призывавший граждан не обращаться за правосудием к Децию.

Таким образом, представляется верным вывод А. Гриниджа о том, что в 48 г. претор лишился юрисдикции, но не в смысле потери судебной власти как таковой, а в смысле ограничения реализации этого права. По мысли Гриниджа, акты претора Целия оставались полностью действительными. Наложённые на Целия ограничения работали только тогда, когда оказывались подкреплены магистратской coercitio. Если претор предпочитает выплатить штраф, подчиниться предварительному аресту или оставаться на трибунале после того, как его курульное кресло сломано консулом, он может продолжать разбирать судебные дела: его собственные решения и решения судов, назначенных им, никто не может оспаривать⁵⁷.

Следовательно, эпизод 48 г. можно понять следующим образом: консул в рамках своих полномочий принимает решение передать все обязанности (provincia) претора peregrinorum другому претору, и более ничего не предпринимается. Этим уже было гарантировано, что задачи, находившиеся в компетенции претора peregrinorum, продолжат выполняться, но только не Целием, а другим претором. Решение консула вполне обеспечивалось тем, что если бы Целий задумал продолжить заниматься ранее возложенными на него обязанностями, об этом немедленно стало бы известно Сервилию, и претор столкнулся бы с интерцессией (действенность которой, в свою очередь, была бы обеспечена воинским контингентом, имевшимся

⁵⁵ См., например, Brennan 2000, 605–606.

⁵⁶ Dio Cass. XLII. 22. 2. См. также Cordier 1994, 539–541, 546; Pókecz Kovács 2014a, 733.

⁵⁷ Greenidge 1901b, 287–288; ср. Greenidge 1901a, 174–175.

в распоряжении консула). Она уже была успешно использована, и ничто не мешало применить ее вновь. Таким образом, в данном случае для обеспечения эффективности принимаемых мер вместо направленного к гражданам дополнительного эдикта с призывом не обращаться за правосудием к «опальному» претору (как в случае Деция) было употреблено иное средство: установлено наблюдение, которое позволило бы оперативно пресекать любые нежелательные действия Целия (см. об этом ниже).

Итак, хотя Целий формально не потерял должность претора, на практике стало невозможным исполнение им обязанностей магистрата. В то же время, на наш взгляд, нет надежных оснований для того, чтобы делать вывод об утрате Целием как таковых отдельных прерогатив претора или о введении консулом некоего общего запрета (установленного однажды и действовавшего далее постоянно) на исполнение им любых должностных обязанностей. Консул Сервилий препятствовал действиям Целия путем применения интерцессии.

Но здесь возникает новый вопрос: если все сводилось к использованию консулом обычной интерцессии, зачем Сервилию понадобился SCU?

Санкция сената, которой с такой настойчивостью добивался консул, нужна была, во-первых, для изоляции и нейтрализации многочисленных сторонников Целия в самом сенате⁵⁸. Во-вторых, как уже было отмечено, SCU обеспечивал дополнительную легитимацию дальнейших действий консула в рамках его обычных полномочий.

Наконец, в-третьих, по-видимому, именно решение сената открыло путь для применения военной силы в Городе. А только с ее помощью можно было подавить (точнее, угрожать подавить) сопротивление Целия, имевшего собственных вооруженных сторонников. Здесь может последовать возражение: консул еще даже до принятия *senatus auctoritas* использовал солдат для охраны сената (Dio Cass. XLII. 23). Однако, как вслед за М. Боннфон-Кудри предполагает Кордье, сенат собрался тогда за чертой померия, так что войска не только не участвовали в столкновениях, но формально даже не были введены в Рим⁵⁹. Кроме того, после фиксации *senatus auctoritas*, но до принятия нужного ему SCU, Сервилий отдал приказ ликторам, а не солдатам снять таблицы с законопроектами Целия, что оказалось неэффективным. В результате, консул, по-видимому, сам подвергся опасности, причину которой логично усматривать именно в том, что Целий имел в своем распоряжении вооруженных сторонников, а Сервилий войска пока в дело не вводил. Не так важно, было или не было в принципе необходимым в условиях гражданской войны SCU для использования войск в городских столкновениях, а не просто для охраны сената, собравшегося за чертой померия. Важно то, что в рассматриваемом случае, по рассказу Диона, только после принятия этого решения Целий стал испытывать опасения потерпеть поражение в открытом вооруженном столкновении. Это в конечном итоге и заставило его подчиниться (Dio Cass. XLII. 24. 1), а не только сами по себе решение сената и все те меры, совокупность которых названа в латинских источниках «отстранением от государственных дел».

В результате Целий не решился дать сигнал к вооруженному сопротивлению даже тогда, когда Сервилий прогонял его с ростр, иными словами, удалял претора

⁵⁸ Как пишет Кордье, те сенаторы, которые поддерживали Целия, покинули его и были теперь связаны серией официальных решений (Cordier 1994, 559, см. также 555, 572–573). Ср. Pókecz Kovács 2014a, 734.

⁵⁹ См. Cordier 1994, 555, nt. 97.

с созванной им *contio*, т.е. оттуда, где, надо думать, собралась масса сторонников инициатора закона об отмене долгов. Поскольку при описании этой ситуации вновь ничего не сообщается об использовании Сервилием солдат, Целий, по-видимому, подчинился добровольно (пусть и не сразу, если он успел восстановить сломанное консулом курульное кресло) тем же консульским ликторам, которых до этого он проигнорировал.

Возможно и еще одно, не связанное с интерпретацией роли SCU объяснение того, почему обычная консульская интерцессия в какой-то момент оказалась вполне эффективным средством против Целия. Дион отмечает, что с самого начала на активные действия Целия подвигли слухи о смерти Цезаря (XLII. 22. 1). Как предполагает С. Джексон, позднее именно новости о его победах заставили народ прекратить поддержку претора⁶⁰. Если это так, то подобные новости могли привести к переоценке и самим Целием перспектив продолжения борьбы в Городе (они же могли повлиять на то, что сенат в конце концов подчинился желаниям Сервилия).

Так или иначе, популярность Целия и его инициатив как в среде городских низов, так и в сенаторских кругах, а также наличие у него отрядов вооруженных сторонников первоначально делали невозможным использование консулом тех стандартных средств, при помощи которых он мог бы заставить претора подчиниться. Но это не означает, что после того, как по тем или иным причинам оказались устранены препятствия для успешного применения обычной интерцессии, консул использовал что-то помимо нее.

И в то же время, как представляется, обнаруживается еще одна составляющая тех мер Сервилия против Целия. Здесь следует обратить внимание уже на неформальный аспект политической нейтрализации Целия. Именно эта сторона событий может создать впечатление, будто Целий оказался на положении *privatus*, и что дело не ограничилось простым запретом со стороны консула на совершение тех или иных конкретных действий.

В одном из писем к Аттику (XII. 40. 2–3) Цицерон отмечает, что его уединение на вилле в Астуре, когда он устранился от всех дел в Риме, вовсе не означает, что он не принимает тех, кто сам приезжает к нему. То положение, в котором оказался Целий, когда его, в отличие от Цицерона, силой «отстранили от государственных дел», тоже не означало, что претор более не может реагировать на просьбы, обращенные к нему. Сам он не проявляет инициативы или, точнее, как ожидалось, не должен был ее проявлять. Однако те, кто обратились бы к нему, по-видимому, могли бы получить ответ от него как от претора. Мы уже отмечали похожую на наш случай ситуацию с претором Децием. Хотя сам он после отстранения от должностных обязанностей не предпринимал попыток продолжить свою деятельность в качестве магистрата, все же консул — подчеркнем еще раз — посчитал необходимым издать эдикт о том, чтобы никто не обращался к Децию за правосудием. Отсюда мы делаем выше вывод о том, что претор формально сохранил имевшиеся у него прерогативы. Но на основании этого текста можно кое-что сказать и относительно «неформальной стороны» происшедших событий. Вероятно, консул Эмилий Скавр ожидал, что граждане действительно могут обратиться к Децию и что тот тогда отреагировал бы так, как положено было претору. В то же время, по всей видимости, предполагалось, что после случившегося Деций сам ничего не предпримет.

⁶⁰ Jackson 1979, 63–64.

Еще один чрезвычайно важный для нас эпизод относится к 62 г.⁶¹ В нем тоже речь идет о принятии сенатского постановления и об отстранении претора (на этот раз – самого Цезаря) «от государственных дел» (*administratio rei publicae decreto patrum submoverentur*), об угрозе применения силы против него и о его отказе от дальнейшего исполнения своих обязанностей (*dimissis lictoribus abiectaque praetexta domum clam refugit pro condicione temporum quieturus*). В этом случае также нет никаких оснований ни для вывода об утрате претором должности, ни для предположения о том, что были ограничены его отдельные прерогативы. Все это, на наш взгляд, говорит о фундаментальном сходстве ситуаций 62 и 48 гг. с указанной точки зрения.

Эпизод 62 г. отличается, однако, тем, что здесь претору удалось восстановить свое положение. Цезарь усмирил толпу, сходку (*multitudo, coetus*), собравшуюся по собственной инициативе (*sponte et ultro*) и предлагавшую ему помощь в восстановлении *dignitas* (заметим – не должности как таковой). В результате благодарный сенат восстановил его в прежнем положении (*in integrum restituit inducto priore decreto*). Цезарь мастерски использовал представившуюся возможность, а именно обращение к нему толпы сторонников. Однако сам он ничего не предпринимал (предположение об организации им этой толпы ничем не подтверждается), а только отреагировал на инициативу других.

Мог ли консул Сервий опасаться чего-то подобного, когда устанавливал наблюдение за Целием? Это предположение вовсе не выглядит невероятным, даже если принять, что в Рим на момент отстранения Целия уже пришли новости о том, что Цезарь жив, ведь необходимо учитывать популярность инициатив и самого Целия, и плебейского трибуна Долабеллы, который в следующем году не без успеха выступил с той же повесткой, что и Целий.

Такой взгляд на события вокруг преторов Деция, Цезаря и Целия позволяет рассматривать в одном ряду с ними еще один, как может показаться, совершенно отличный от них эпизод. По рассказу Ливия (IX. 7. 11), после поражения в Кавдинском ущелье в 321 г. консулы Т. Ветурий Кальвин и Сп. Постумий «спрятались в частных домах и в качестве магистратов ничего не делали» (*in privato abditi nihil pro magistratu agere*). Но что это означало на практике? Согласно Ливию, – а он, по-видимому, хорошо представлял себе, как могло выглядеть «отстранение от государственных дел», будь то по собственному решению или по принуждению, в конце Республики, – сами консулы ничего не предпринимали, но когда сенатское решение заставило их (*expressum senatus consulto est*) назначить диктатора, они это сделали. Как пишет Дж. Агамбен, консулы были низведены на положение *privati*⁶². В каком-то смысле это было действительно так, но только не в формально-правовом отношении⁶³. Подчинившись решению сената, консулы назначили диктатора для проведения комиций, что означало только одно: несмотря на отказ выполнять свои обязанности, они по-прежнему формально сохраняли всю полноту власти.

И все же, в изображении Ливия Т. Ветурий Кальвин и Сп. Постумий в этот промежуток времени находились в особом положении, которое не давало им быть полноценными консулами. Они ничего не предпринимали сами, хотя имели необходимые полномочия, чтобы в качестве консулов выполнить распоряжения сена-

⁶¹ Suet. *Iul.* 16; cp. Plut. *Cat. Min.* 26–29; Cic. 26; Dio Cass. XXXVII. 42–44; cp. Cic. *Fam.* V. 1. 1.

⁶² Agamben 2005, 48–49.

⁶³ См. Garofalo 2008, 74–75.

та. А. Хаймсон Лашкоф акцентирует внимание именно на том, что Ливий пишет о неспособности этих консулов действовать от имени народа⁶⁴. Не передает ли Ливий здесь отчасти и позднереспубликанские представления о том, что формальное обладание магистратской властью не всегда дает возможность на деле быть «полноценным» магистратом?

В 48 г. Целий не желал отказываться от исполнения обязанностей претора и даже попытался преодолеть наложенные на него ограничения. Сходным образом Цезарь в 62 г. сначала продолжил выполнение преторских функций, несмотря на решение сената, затем под давлением со стороны все же оставил должностные обязанности. В пассаже о событиях 115 г. Деций, хотя отстранился от дел тоже не по собственному желанию, все же решению консула, по-видимому, подчинился. В рассказе Ливия о последствиях Кавдинского поражения сами обстоятельства вынудили консулов отказаться от исполнения своих обязанностей.

Несмотря на все различия, и для случая 48 г., и для других упомянутых схожих с ним эпизодов общим было то, что магистрат, формально еще не лишившийся должности, не только был при помощи тех или иных конкретных публично-правовых механизмов (в ситуации 48 г. – при помощи консульской интерцессии) ограничен в реализации на практике имевшихся у него магистратских прерогатив (либо поставлен в такое положение силой самих обстоятельств), но и на уровне неформальной политики лишен того, что можно было бы назвать «политической инициативой». Поэтому, не соглашаясь с интерпретацией Кордые публично-правового механизма наложенных на Целия ограничений, мы вполне можем принять его заключительную оценку того фактического положения, в котором оказался претор: он был лишен «любой возможности эффективной деятельности»⁶⁵. В отношении случая 62 г. источники даже прямо говорят именно об этом (Suet. Iul. 16: *quieturus*; ср. Dio Cass. XXXVII. 44. 1: οὐδὲν... ἐνεωτέρισεν). Цезарь тогда на время отказался от политической инициативы. В сходном положении, на наш взгляд, оказался и Целий.

В передаче Диона Кассия (XLII. 22–24) меры, которые консул Сервилий применил против Целия, сильно напоминают то, что сам Целий предпринял против претора Требония. Как Целий прогнал коллегу с ростр, так и Сервилий удалил Целия с ораторского возвышения. Как Целий не давал Требонию делать ничего из того, что было тому поручено (οὐτ' ἄλλο τι τῶν ἐπιβαλλόντων οἱ ποιεῖσθαι ἐπέτρεπεν), так и Сервилий не давал Целию что-либо предпринять в качестве претора (οὐδὲν ἐκ τούτου τῷ Καλίῳ ὥς καὶ στρατηγοῦντι πρᾶξαι ἐφῆκεν). Возможно, эти параллели не являются только следствием особенностей изложения Диона Кассия. Целий и Сервилий избрали по существу схожие средства, что неудивительно, ведь они стремились к одному и тому же: лишению своих противников политической инициативы, не к лишению их должностей, а к блокированию их действий, к их нейтрализации. Ведь что означало на практике «не давать выполнять обязанности претора» в обоих случаях? Мы знаем, что Целий не позволял Требонию выносить решения в соответствии с законами Цезаря (τὰς δίκας κατὰ τοὺς τοῦ Καίσαρος νόμους τελεῖσθαι συνεχώρει), т.е. противодействовал ему формально при помощи интерцессии (ἠναντιοῦτο πρὸς πάντα τῷ συνάρχοντι). Логично предположить, что таким же образом (но как старший коллега) Сервилий препятствовал Целию.

⁶⁴ Haimson Lushkov 2015, 78.

⁶⁵ Cordier 1994, 559.

Потеря Целием политической инициативы в Городе и нежелание дожидаться решения Цезаря на свой счет заставили претора искать способы покинуть Рим. Возможности политического маневра в пределах померия были крайне ограниченными, даже несмотря на то, что на уровне формально-правовом практически ничего не изменилось. Магистрат еще мог попытаться вернуть утраченные инициативу и свободу действий. Это в свое время удалось Цезарю, но не получилось у Целия.

В 62 г. главным средством заставить самого Цезаря подчиниться решению сената и перестать выполнять судебные функции претора на форуме стала угроза применения силы со стороны неназванных лиц (Suet. Iul. 16). То же самое в полной мере относится и к случаю 48 г. (Здесь важно подчеркнуть, что почти все важные детали в этой части нам предоставляет только Дион. Однако это вполне ожидаемо, и вряд ли только по этой причине следует ставить под сомнение его сведения, учитывая хотя бы незаинтересованность Цезаря в изложении лишних подробностей того, как именно удачные действия Сервилия позволили нейтрализовать Целия⁶⁶.)

Согласно Диону, Целий опасался наказания, так как Сервилий имел в Городе силы, достаточные для вооруженного столкновения. Но кроме того, за Целием было установлено наблюдение (Dio Cass. XLII. 24. 3: *παρετηρεῖτο γάρ*). Это тоже могло стать действенным механизмом политической нейтрализации Целия. Во всяком случае, вполне вероятно, что если до этого консул успешно действовал против Целия, применяя формально интерцессию (пусть и ставшую возможной благодаря наличию в распоряжении Сервилия солдат), то для ее последующего использования важно было как раз получение вовремя сведений обо всех действиях Целия.

Правда, сам Дион пишет, что установленное наблюдение не позволяло Целию покинуть Город открыто. Уезжать из Рима скрытно Целий также не хотел, поскольку, как уже упомянуто выше, «рассчитывал сделать гораздо больше, воспользовавшись достоинством и именем претуры» (Dio Cass. XLII. 24. 3). Таким образом, Сервилий не только смог нейтрализовать Целия в Городе, но и предотвратил его возможные попытки в полной мере воспользоваться преторской властью для набора сторонников в Италии. Скрытный отъезд из Рима поставил бы под сомнение положение Целия⁶⁷.

Как бы то ни было, по логике Диона претор определенно не хотел «спасаться бегством». Дальнейшие события проясняют причины этого. Целий попытался обойти ограничения, открыто обратившись к самому Сервилию за разрешением покинуть Город. Этот вынужденный шаг демонстрирует эффективность предпринятых консулом мер. Целий настаивал на том, чтобы ему позволили отправиться к Цезарю. Сервилий, даже подозревая истинные намерения Целия, все же разрешил ему поехать, однако, послал вместе с ним трибуна, чтобы тот воспрепятствовал Целию, если последний что-то замыслит. Когда Сервилий узнал о действиях Милона (с которым Целий якобы планировал объединиться), он приказал Целию оставаться в окрестностях Рима, чтобы тот не вызвал никаких неприятностей (Dio Cass. XLII. 24–25).

⁶⁶ Сходным образом рассуждает Кордье (Cordier 1994, 572).

⁶⁷ В этом отношении события 48 г. можно сопоставить с рассказом Ливия о тайном отъезде из Рима Г. Фламиния (во время консулата 217 г.). Хотя Фламиний вступил в должность и исполнял обязанности консула в полном объеме, все же последовало резкое осуждение со стороны сената, высказывавшего сомнения относительно легитимности действий Фламиния (Liv. XXI. 63. 9: *lixae modo sine insignibus, sine lictoribus profectum clam, furtim, haud aliter quam si exsilii causa solum vertisset*).

Как уже было упомянуто выше, Дион все же оговаривается, что Сервилий «не принял строгих мер предосторожности, потому что (Целий) был претором» (οὐ μὲντοι διὰ φυλακῆς ἀκριβοῦς ἄτε καὶ στρατηγούντα ἐποιήσατο). В результате Целий смог ускользнуть. Может показаться поэтому, что эффективность установленного наблюдения в конечном итоге оказалась невелика. Однако оно все же вынудило Целия покинуть предместья Рима таким путем, какого первоначально он сам как раз старался избежать. Наблюдение было достаточно тщательным для того, чтобы не дать ему уехать открыто (без риска столкнуться с запретом консула), но недостаточным для того, чтобы не позволить претору уехать тайно.

В результате, как можно предположить, в полной мере возможности претора Целию так и не удалось использовать, чего и добивался Сервилий. Во всяком случае, и Цезарь, и Дион Кассий сообщают о том, что агитация Целия среди солдат Цезаря и попытки подкупа полностью провалились и Целий вскоре был убит (Caes. BC. III. 22. 3–4; Dio Cass. XLII. 25. 3). Важна и еще одна деталь: до этого исхода, как пишет Цезарь, римские граждане в Капуе постановили, что Целий должен считаться врагом (BC. III. 21. 5: *eum hostis loco habendum existimabat*). По всей видимости, Сервилий в конечном итоге добился желаемого, вынудив Целия вести себя так, как претору не подобает, и обратиться теперь уже к однозначно противозаконным действиям, которые позволили рассматривать его в качестве врага.

Цицерон пишет о судебном преследовании как о средстве, при помощи которого можно отстранить дурного гражданина от государственных дел⁶⁸. Но в случае 48 г. уже угроза такого преследования могла оказаться еще одним средством удержать Целия от продолжения активной политики в Городе. С судебным преследованием, вероятно, рисковал иметь дело и Цезарь в 62 г.: его отстранению от должностных обязанностей предшествовало столкновение на Форуме, в организации которого он мог бы быть обвинен⁶⁹. Что касается Целия, то решить окончательно его судьбу предстояло Цезарю: как считает Кордье, Сервилий от этого устранился с тем, чтобы самому не испытывать возможные последствия⁷⁰.

В заключение отметим, что нейтрализация Целия сводилась к лишению его возможности предпринимать активные действия при формальном сохранении всех прерогатив претора. Целий действительно утратил важную часть того, что давал ему статус магистрата, — политическую инициативу. Поэтому, на наш взгляд, его положение вполне можно назвать в некотором смысле «переходным» между статусом *magistratus* и положением *privatus*. Ведь даже сохраняя должность, Целий рисковал остаться пассивным наблюдателем, потому что подобно обычному частному лицу был лишен возможности активного вмешательства в политический процесс. Это было почти равносильно потере самой магистратуры. Ситуация, часто обозначаемая выражением *a re publica remove* и похожими фразами, означала нечто большее, чем сумму отдельных мер для политической нейтрализации магистрата-оппонента без формального лишения его должности. Когда Ливий пишет о приказе диктатора начальнику конницы сойти с ораторского возвышения (то же самое, что консул Сервилий приказал сделать претору Целию), устами одного из персонажей он заключает: «Ты верно поступил, когда приказал увести нас туда,

⁶⁸ Cic. *Verr.* II. 3. 2: *ab re publica civem improbum removet*.

⁶⁹ Plut. *Cato Min.* 27–28; Carcopino 1968, 181.

⁷⁰ Cordier 1994, 559.

откуда мы и как частные лица можем подать голос»⁷¹. Хотя пафос Ливия состоит здесь в ином, он дает понять и то, что начальник конницы оказался на положении частного лица (хотя формально им не являлся). Цезарь похожую ситуацию – то, что произошло с Целием, – считает не чем иным, как позором – *ignominia*.

Литература / References

- Agamben, G. 2005: *State of exception*. Chicago–London.
- Bauman, R.A. 1966: The Abdication of Collatinus. *Acta Classica* 9, 129–141.
- Bauman, R.A. 1968: The Abrogation of *imperium*: Some Cases and a Principle. *Rheinisches Museum für Philologie* 111, 37–50.
- Billows, R.A. 2009: *Julius Caesar: The Colossus of Rome*. London–New York.
- Brennan, T.C. 2000: *The Praetorship in the Roman Republic*. Vol. I, II. Oxford.
- Broughton, T.R.S. 1952: *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. II. New York.
- Bunse, R. 2002: Die klassische Prätur und die Kollegialität (*par potestas*). *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung* 119, 29–43.
- Canfora, L. 2007: *Julius Caesar: the People's Dictator*. Edinburgh.
- Carcopino, J. 1968: *Jules César*. Paris.
- Cordier, P. 1994: M. Caelius Rufus, le préteur récalcitrant. *Mélanges de l'École française de Rome (Antiquité)* 106, 533–577.
- Davies, M.E., Swain, H. 2010: *Aspects of Roman History 82 BC – AD 14. A Source-based Approach*. London–New York.
- Feig Vishnia, R. 1996: *State, Society and Popular Leaders in Mid-Republican Rome, 241–167 BC*. London–New York.
- Frolov, R.M. 2011: [*Potestas contionandi* in the political system of the Roman Republic: the convocation of an official public meeting]. *IVS ANTIQVVM* 24, 40–56.
- Фролов, Р.М. *Potestas contionandi* в публично-правовой системе Римской республики: созыв официальной народной сходки. *Древнее право. IVS ANTIQVVM* 24, 40–56.
- Frolov, R.M. 2016: [“To Banish from the Administration of the State” (*administratione rei publicae summovere*): a Contribution to the Study of the Political Language of the Roman Republic]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod]* 2, 101–109.
- Фролов, Р.М. «Отстранять от управления государственными делами» (*administratione rei publicae submovere*): к анализу политической терминологии Римской республики. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского* 2, 101–109.
- Garofalo, L. 2008: In tema di *iustitium*. In: L. Garofalo (ed.), *Piccoli scritti di diritto penale romano*. Padova, 61–83.
- Gelzer, M. 1960: *Caesar. Der Politiker und Staatsmann*. Wiesbaden.
- Gelzer, M. 1968: *Caesar, Politician and Statesman*. Oxford.
- Golden, G.K. 2013: *Crisis Management during the Roman Republic. The Role of Political Institutions in Emergencies*. Cambridge–New York.
- Goldsworthy, A. 2006: *Caesar, Life of a Colossus*. New Haven.
- Greenidge, A.H.J. 1901a: *Roman Public Life*. London.
- Greenidge, A.H.J. 1901b: *The Legal Procedure of Cicero's Time*. Oxford.
- Haimson Lushkov, A. 2015: *Magistracy and the Historiography of the Roman Republic: Politics in Prose*. Cambridge.
- Hölkeskamp, K.-J. 2011: The Roman republic as theatre of power: the consuls as leading actors. In: H. Beck, A. Duplá, M. Jehne, F. Pina Polo (eds), *Consuls and res publica: Holding High Office in the Roman Republic*. Cambridge–New York, 161–181.
- Jackson, S.B. 1979: Marcus Caelius Rufus. *Hermathena* 126, 55–67.
- Kloft, H. 1977/1978: Bemerkungen zum Amtsentzug in der römischen Republik. *Zeitschrift des Aachener Geschichtsvereins* 84/85, 161–180.
- Kloft, H. 1980: Caesar und die Amtsentsetzung der Volkstribunen im Jahre 44. v. Chr. *Historia* 29, 315–334.

⁷¹ Liv. VIII. 33. 10: Bene agis... cum eo nos deduci iussisti, unde et privati vocem mittere possemus.

- Kunkel, W., Wittmann, R. 1995: *Staatsordnung und Staatspraxis der römischen Republik: Die Magistratur*. München.
- Lintott, A.W. 1968: *Violence in Republican Rome*. Oxford.
- Mason, H.J. 1974: *Greek Terms for Roman Institutions: A Lexicon and Analysis*. Toronto.
- Mommsen, Th. 1887a: *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. 3. Aufl. Leipzig.
- Mommsen, Th. 1887b: *Römisches Staatsrecht*. Bd. II.1. 3. Aufl. Leipzig.
- Mommsen, Th. 1888: *Römisches Staatsrecht*. Bd. III.2. 3. Aufl. Leipzig.
- Osgood, J. 2014: *Turcia. A Roman Woman's Civil War*. Oxford.
- Peskett, A.G. 1900: *Gaii Iulii Caesaris Commentariorum De bello civili, liber tertius*. Cambridge.
- Pókecz Kovács, A. 2014a: Economic crisis and *senatus consultum ultimum*. *Fundamina: A Journal of Legal History* 20, 729–737.
- Pókecz Kovács, A. 2014b: Legal means and public law consequences of the solution of economic and credit crisis at the end of the Roman Republic (49–47 BC). In: Z. Balogh (ed.), *Essays of Faculty of Law, University of Pécs, Yearbook of 2014*, 129–142.
- Sandberg, K. 2001: *Magistrates and Assemblies: a Study of Legislative Practices in Republican Rome*. Rome.
- Schäfer, Th. 1989: *Imperii Insignia: Sella curulis und Fasces: Zur Repräsentation römischer Magistrate*. Mainz.
- Scullard, H.H. 1982: *From the Gracchi to Nero: A History of Rome from 133 B.C. to A.D. 68*. London–New York.
- Steel, C. 2013: *The End of the Roman Republic 146 to 44 BC: Conquest and Crisis*. Edinburgh.
- Ungern-Sternberg, J. von 1970: *Untersuchungen zum spätrepublikanischen Notstandsrecht. Senatusconsultum ultimum und hostis-Erklärung*. München.
- Williamson, C. 2005: *The Laws of the Roman People. Public Law in the Expansion and Decline of the Roman Republic*. Ann Arbor.